

ФОЛЬКЛОРНАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.¹

Руфина Прокопьевна МАТВЕЕВА²

Dr. Rufina Matveeva

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются фольклорные сведения в трудах исследователей культуры старообрядцев Забайкалья (семейских) XIX – начала XX в., дается оценка вклада ученых указанного периода в изучение фольклора своеобразной группы русского населения Забайкалья.

Ключевые слова: старообрядцы Забайкалья(семейские), исследователи, фольклор, жанры.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 12-04-00107а.

² Dr., Senior Fellow, Institute of Mongolian studies, Buddhism and Tibetology of the SB RAS, д. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, rufina1938@mail.ru

FOLK CULTURE OF OLD BELIEVERS OF TRANSBAIKALIA IN THE WRITINGS OF RESEARCHES OF THE XIX – FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

ABSTRACT

The article analyzes the folklore of the information in the writings of scholars of the culture of old believers of Transbaikalia (Semeiskie) of the XIX – early XX century. Provides an assessment of the contribution of scientists of the specified period in the study of the folklore of the original group of the Russian population of Transbaikalia.

Keywords: Believers Transbaikalia (Semeiskie), researchers, folklore genres.

Старообрядцы, под названием «семейские», представляют одну из конфессиональных групп русского населения Забайкалья. Массовое заселение старообрядцев в Забайкалье историки относят к XVIII в. К середине XIX в. их число составляло около 18 тыс. человек (История Бурятии, 2011: 196). Исторически сложившиеся особенности традиционной народной культуры семейских, их быта, этических и эстетических воззрений, менталитета нашли свое выражение и в фольклоре. Фольклором закрепились основные религиозные нормы, этические правила, поддерживающие верность общинным и семейным традициям, неукоснительное почитание святых, поминовение предков, бережное отношение к природе, прежде всего к земле, труд на радость и во благо, строго регламентированные любовные и семейно-брачные отношения.

Уникальная во многих отношениях материальная и духовная культура старообрядцев (семейских) нашла свое освещение в основном в трудах второй половины XX – начале XXI вв. Богатейший фольклор до середины XIX в. оставался не зафиксированным, хотя свидетельства о формах его бытования в среде семейских, о фольклорных жанрах в их связи с бытом появлялись и ранее в трудах этнографов, краеведов, писателей. Фольклористическая работа, связанная с собиранием и исследованием народного устно-поэтического творчества, в то время не выделялась из общего краеведения. Целенаправленное собирание, фиксация и изучение памятников народной словесности семейских фольклористами началось в 30-е годы XX века. К этому времени были накоплены определенные фольклористические сведения в трудах этнографов, краеведов, чье внимание не могла не привлечь яркая самобытная народная культура семейских.

В науке закрепилось мнение об отрицании этнографами XIX в., в частности С.В. Максимовым, П.А. Ровинским, Ю.Д. Талько-Грынцевичем, народной песенной традиции у семейских. В их высказываниях о фольклорном репертуаре семейских исследователи XX в. акцентировали внимание на словах о забвении великорусских песен и легко доказывали несостоятельность взглядов названных этнографов на устную поэзию семейских (Гуревич, 1939: XVIII; Элиасов, 1969: 17; Болонев, Выхристюк, 2002: 33–34). Поводом для ошибочной интерпретации суждений авторов XIX в. послужило негативное мнение Ю.Д. Талько-Грынцевича о фольклоре семейских, мнение, основанное на ошибочном истолковании высказываний о народной песне С.В. Максимова, якобы отрицавшего народно-поэтическое творчество семейских.

Писатель, путешественник С.В. Максимов (1831–1901), изучавший народный быт и культуру в Забайкалье в 1861 году, в работе «Сибирь и

каторга» о фольклоре старообрядцев сообщает, что наряду со стихами (имеются ввиду духовные стихи), которые «записаны в цветниках», то есть в рукописных старообрядческих сборниках, «сохранялась, благодаря строгому соблюдению обрядов, песня свадебная, обрядовая» (Максимов, 1871: 326).

Приводимая обычно цитата из главы «Русские раскольники за Байкалом» книги «Сибирь и каторга» С.В. Максимова о том, что

семейские постарались забыть между прочим великорусские песни», казалась ярким аргументом, убедительно подтверждавшим заблуждения исследователей XIX в. относительно фольклора семейских. «При всех наших стараниях, – писал С.В. Максимов, – мы не могли записать у них ни одной былины, на каковые рассчитывали. Нам говорили в оправдание: «Старики напевали еще кое-какие старины и былины, разговаривая о родине, нам не завещали никаких. Из молодых наших их и не слыхивали. Поем только те стихи, которые записаны в цветниках. Устояла песня свадебная обрядовая: ибо те обряды завещали блюсти крепко». Класа нищих не выработалось среди достатков и при общинной помощи, а потому бродячих певцов нет и в помине, а с ними и песен (Максимов, 1871: 326).

Не вникая в то, о каких песнях ведет речь С.В. Максимов и тем самым искажая суть его высказывания, известный исследователь Забайкалья, врач, антрополог, археолог, этнограф, изучавший в 90-х годах XIX в. жизнь семейских, Ю.Д. Талько-Грынцевич (1850–1936) ссылался на слова С.В. Максимова в подтверждение своего негативного мнения о песенном репертуаре старообрядцев Забайкалья, приписав С.В. Максиму свое ошибочное представление о песенной культуре семейских:

Песен у семейских не осталось, растеряли они их после своего несколько векового скитания по разным местам. Максимов в 1860 г. вспоминает, что некогда старики еще напевали, но он уже не нашел у них других песен, кроме обрядных и свадебных. Эту бедноту народной поэзии у семейских, кроме влияния сектантского фанатизма, можно отчасти объяснить постоянною скитальческою их жизнью (Талько-Грынцевич, 1894: 22–23).

Критикуя исследователей XIX в. за поверхностность, ошибочность, противоречивость взглядов на устно-поэтическое творчество семейских, ученые относили мнение Ю.Д. Талько-Грынцевича и к П.А. Ровинскому, и С.В. Максиму. Противоречия просматривались, например, в работах П.А. Ровинского, с одной стороны, утверждавшего, что «сибиряками утрачено простое поэтическое чувство» и у них нет оригинальных песен, с другой, – что семейскому трудно без песни во время Великого поста, для этого строгого времени есть у семейских специальные «постные песни», например, «Про

Ноев потоп». Нарекания в адрес П.А. Ровинского и С.М. Максимова в данном случае беспочвенны.

Известный русский историк-славист, этнограф и публицист П.А. Ровинский (1831–1916), собиравший в Сибири материал об изменениях, происшедших в характере славян в новых условиях жизни на востоке России, внес значительный вклад в изучение этнографии семейских. Он посвятил старообрядцам Забайкалья, которые, по его словам, для бедной населением Сибири «составляют довольно крупную единицу и потому заслуживают полного внимания при изучении сибирского населения», две работы: «Этнографические исследования в Забайкальской области» и «Материалы для этнографии Забайкалья». В программе исследований П.А. Ровинского было предусмотрено знакомство с бытом народа: «<...> подметить и собрать все особенности как наружного типа, так и языка, образа жизни и духовной деятельности народа, выражающейся в песне, сказке и в верованиях» (Ровинский, 1872–1873: Т.3, №3, 120).

Специальной работы, посвященной фольклору семейских, П.А. Ровинский не написал, но в его этнографических исследованиях рассыпаны свидетельства об активном бытовании песен. В замечаниях по поводу народной песенной культуры семейских П.А. Ровинский проявляет большую заинтересованность человека, который о поэтическом творчестве этой группы забайкальцев знает не понаслышке. В указанных выше работах содержатся сведения не только о том, как «семейский просто *гибнет* на работе, т.е. усердствует изо всех сил» в страду, но и о развлечениях молодежи на святках и масленице. «Самая веселая пора, – пишет исследователь, – пора отдыха и наслаждения, когда вообще сельская молодежь вознаграждает себя за все страдное время, это зима, в особенности святки и масленица» (Ровинский, 1872–1873: Т.4, №4, 126). В высказываниях П.А. Ровинского видна убежденность в том, что для старообрядцев веселье, сопровождавшееся пением, было неотъемлемой составляющей быта: «Несмотря на такую работу, ни на ком не видать было ни изнеможения, ни уныния. Чуть свет слышится и видится по всему селенью движение. Сидейки, запряженные парами и тройками, а где и в одиночку, с колокольцами и шаркунцами (бубенчиками), мчатся что есть духу; в них набито людей столько, что сидят друг на друге; петь нельзя, так они кричат и гайкают на лошадей...» (Там же). Исследователь сетует, что в неудачное время попал к семейским: «Не удалось мне видеть семейских вполне праздничными, не удалось почти и песен послушать, потому что я приехал в самую рабочую пору, вскоре настал успенский пост, а затем последовала смерть священника и петь опять было нельзя» (Там же). По

мнению П.А. Ровинского, если семейские не поют, то на это есть веские причины.

В «Этнографических исследованиях» П.А. Ровинский приводит в контексте рассказа исполнителя отрывки из любовных песен. Приведенные цитаты опровергают оценку Л.Е. Элиасовым взглядов П.А. Ровинского на фольклорный репертуар старообрядцев: «Ровинский находил в сибирском фольклоре только сектантские стихи и духовные песни» (Элиасов, 1958: 50).

В конце XIX в., благодаря лубочным песенникам, грамофонным пластинкам, широкую популярность в народе получили новая баллада и близкий к ней мещанский романс с их мелодраматическим содержанием, любовным или семейно-бытовым конфликтом, с темой измены, ревности, убийства, самоубийства. Они получили распространение в крестьянской среде, привлекая кажущейся реалистичностью ситуаций. Некоторые из этих песен были созвучны с народной песней, хотя и вступали в противоречие с подлинно народной эстетикой. В образованной среде подобного рода песни отвергались. Оценка этих песен резко отрицательная была и у П.А. Ровинского, он протестовал против их экспансии в народную культуру: «Ни по наружному виду, ни по характеру семейских нельзя подумать, чтоб любимыми песнями их были мещанские, сентиментальные, в которых воспеваются неудачи любви, оканчивающиеся трогательным расставанием или гробовой доской» (Ровинский, 1872–1873: Т.4, №4, 130). Об утрате поэтического чувства у сибиряков П.А. Ровинский говорил в связи с появлением в фольклорном репертуаре новых песен, возникших на городских окраинах и проникавших в крестьянскую среду. Кстати, приведенные им в качестве отрицательных примеров новые песни в конце XX в. прочно вошли в песенный репертуар семейских.

П.А. Ровинский обратил внимание на бытование духовных песнопений, которые уже в его бытность фольклоризовались и имели широкое распространение среди семейских «в миру». Он, как и другие собиратели его времени, фиксировал духовные стихи не для демонстрации религиозности старообрядцев, а как произведения эпического жанра, отражающие исторический опыт гонимых староверов. П.А. Ровинский приводит духовные стихи, сюжет которых напрямую соотносит с реалиями конкретных исторических событий. Например, полученный от тарбагатайского крестьянина Ефрема Медведева «Стих соловецких чудотворцев» исследователь определяет как свидетельство борьбы с требованиями официальной церкви принять книги, исправленные Никоном, и изменить некоторые старые обряды.

Складом своим, – пишет П.А. Ровинский, – напоминает былины, но заметно уже влияние вирш, с которыми складыватели могли познакомиться в западном крае: многое в нем испорчено, есть пропуски, но он очень интересен, как исторический документ и как единственное произведение подобного рода у семейских (Ровинский, 1873: №2, 105).

Комментарий к публикации «Стиха соловецких чудотворцев» свидетельствует о том, что П.А. Ровинский относился к бытующим у старообрядцев духовным стихам как к эпическим произведениям фольклора, а не проявлению религиозного фанатизма. В песне на библейский сюжет о Иосифе П.А. Ровинский видит выражение грустного воспоминания об изгнании староверов в Польшу под власть иноземцев. «Судьбу Иосифа, проданного братьями и служившего чужому царю, они приравнивали к себе, когда должны были оставить свое отечество и поселиться в Польше, а теперь поют ту же песню, вспоминая свою вторую родину в Польше» (Ровинский, 1872–1873: Т. 3, №3, 124).

Отношение к эпическим песням как к историческому источнику, отражающему реальные события, было свойственно представителям исторической школы в русском эпосоведении. Предполагалось, что исторические события должны были найти свое отражение в устном поэтическом творчестве народа. В связи с этим вполне объяснимо разочарование П.А. Ровинского в том, что не удалось ему найти у семейских (как и вообще у сибиряков) «ни одной оригинальной песни, кроме нескольких сложенных ссыльными». «Все их песни занесены из России, – пишет П.А. Ровинский, – и притом содержанием совершенно не подходящие к ним» (Ровинский, 1872–1873: Т.3, №3, 130).

Свой песенный репертуар семейские, действительно, принесли из России. Песенный фонд восточных славян ко времени переселения старообрядцев в Сибирь уже сложился. Ошибка П.А. Ровинского отражает ошибочные взгляды представителей исторической школы русской фольклористики второй половины XIX – начала XX вв., считавших, что историческую и эстетическую ценность представляет лишь реконструируемый «основной» сюжет, современный отражаемым событиям, основанный на их истории, как того следовало ожидать по теории исторической школы. Старообрядцы не создали свой оригинальный сюжет, но от этого фольклорный репертуар их не пострадал. Фольклористике известен горький опыт создания советских новин, но это было уже после П.А. Ровинского.

В высказываниях С.В. Максимова и П.А. Ровинского по поводу песенного творчества семейских нет ни противоречия, ни поверхностного взгляда. Весь вопрос в том, что считали великорусской песней и что искали в народном репертуаре бытописатели. Речь, конечно, шла об эпических песнях, включавших былины, исторические песни, ранние баллады. В середине XIX в., со времени открытия былинного Севера П.Н. Рыбниковым и А.Ф. Гильфердингом, эпосом была увлечена демократическая интеллигенция, к этому времени уже вышел сборник песен П. Киреевского, первое издание сборника П.Н. Рыбникова. Замечание С.В. Максимова в конце приведенной выше цитаты «Класса нищих не выработалось среди достатков и при общинной взаимной помощи, а потому бродячих певцов нет и в помине, а с ними и песен» указывает на то, что Максимов имел ввиду эпические песни, которые были широко распространены благодаря бродячим певцам, нищим, слепым. Для фольклористического движения шестидесятников, как отметил М.К. Азадовский, «народное творчество было ценно прежде всего архаической стороной, именно по этой линии шла его эстетическая оценка. Представители официальной науки также часто выдвигали в отношении памятников народного творчества отборочный принцип» (Азадовский, 1963: 224).

Таким образом, поиски народной поэзии у семейских ученые XIX в. ограничивали определенными жанрами. «Собиратели и исследователи народной поэзии не могли найти у старообрядцев многие жанры фольклора, в частности, былины и сказки», – совершенно справедливо отметил Л.Е. Элиасов. Но нельзя согласиться с мнением Л.Е. Элиасова по поводу ошибочности выводов исследователей XIX в. о фольклорном репертуаре семейских: «Безрезультатные поиски больших форм русской традиционной народной поэзии среди старообрядческого населения привели исследователей *к ошибочным выводам о составе фольклорного репертуара у семейских в целом*» (выделено нами. – Р.М.) (Элиасов, 1969: 17).

Работы П.А. Ровинского, отразившие отношение автора к песенному фольклору семейских, опровергают приписываемое ему мнение, что в среде семейских распространена «только религиозно-сектантская поэзия: духовные стихи и песни с религиозным содержанием». Лирические необрядовые песни позднего происхождения собиратели традиционного фольклора могли просто не брать во внимание, эти песни не представляли для них интереса. Внимание, как мы уже отметили, было сосредоточено на эпических песнях.

В настоящее время, – писал в работе «Исторические монографии и исследования» Н.И. Костомаров в 1881 году, – русским образованным людям гораздо более по вкусу старые великорусские песни, чем новейшие; последние нередко

пренебрегаются, как явления чрезвычайно пошлые и лишённые эстетических достоинств (Азадовский, 1963: 233).

Итак, фольклористические взгляды С.В. Максимова, П.А. Ровинского на устно-поэтическое творчество семейских до конца можно понять, лишь рассматривая их в связи с историей русской науки о фольклоре, с учетом движения общественной мысли того времени.

Следует отметить, что изучение устно-поэтического творчества Сибири во 2-ой половине XIX – начале XX в., в период романтического обращения к национальным корням, фольклору, истории народной жизни, носило характер широкого общественного движения. Фольклор записывали учителя, врачи, чиновники, священники, грамотные крестьяне, ссыльнопоселенцы. Возглавляло экономико-географическое, этнографическое, фольклорно-диалектологическое изучение Сибири, как и других районов России, организованное в 1846 г. Русское географическое общество (РГО). Рассылаемые им анкеты рекомендовали сообщать о разных обычаях и обрядах, о праздниках, «народных преданиях и памятниках». В Восточной Сибири руководила краеведческой работой этнологическая секция Восточно-Сибирского отдела РГО (ВСОРГО).

В 1860-е и последующие годы были обнародованы фольклорные материалы, накопленные РГО благодаря краеведам. Среди публикаций выделяется серия местных изданий, таких, как «Сборник песен Самарского края», два выпуска «Пермского сборника», «Причитания Северного края», знаменитые «Онежские былины» А.Ф. Гильфердинга, «Нижегородские сборники» и другие. Среди них замечательные работы сибирских исследователей и собирателей: «Свадебные обычаи приаргунцев» (1860) врача Н. Кашина, «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении» (1884) Г.Н. Потанина, «Енисейский округ и его жизнь» (1865) врача Ш.Ф. Кривошапкина.

Большая роль в публикации краеведческих материалов принадлежала «Губернским ведомостям», организованным на местах в 1838 году. Этот правительственный орган поощрял общественный интерес к изучению местного края, народного быта, старины и немало способствовал тому, что повсеместно оживилась собирательская работа.

«Иркутские губернские ведомости» в 1867 г. поместили работу титулярного советника В.Н. Паршина «От Верхнеудинска до Урлука» (№ 29–31, 37, 47), содержащую сведения о духовной культуре, обычаях, обрядах,

поверьях семейских, собранные им во время пребывания в Иркутской губернии и Забайкалье в 30-е–40-е годы XIX века. В нескольких номерах газеты «Варшавские губернские ведомости» за 1897 г. были опубликованы «Песни польских старообрядцев» в записи В. Машарова.

Значительным вкладом в изучение культуры семейских является напечатанный в «Иркутских губернских ведомостях» в 1864 г. этнографический очерк Н.П. Ушарова «Быт семейских». Очерк Н.П. Ушарова недоступен широкому кругу читателей и до недавнего времени мало кому был известен. В 1969 г. об очерке Н. Ушарова писал Л.Е. Элиасов, в работе «Народная поэзия семейских» привел высказывание Н.П. Ушарова о том, как хранили «древнее благочестие» старообрядцы, что значила для них «священная книга». В очерке Н.П. Ушарова Л.Е. Элиасов отметил подчеркнутую религиозность семейских.

Более подробно познакомил современного читателя с исследованием Н.П. Ушарова Ф.Ф. Болонев в очерке «Кто и как писал о семейской песне», опубликовав развернутые цитаты из очерка о семейской песне. Здесь же приведены и зафиксированные Н.П. Ушаровым отрывки из песен (Болонев, Выхристюк, 2002: 20–21).

В очерке «Быт семейских» Н.П. Ушаров особо подчеркнул значение песни в жизни семейской деревни и в будни, и особенно в праздники. Из содержания очерка можно почерпнуть сведения о бытовании народной песни у семейских, какие песни, как и при каких обстоятельствах они исполнялись: то это «кудалая песня, затянутая где-то возле горы звонким свежим девичьим голосом», то «песни заунывные протяжные», исполняемые девушками, сидящими на «земле около огородного тына», то веселая живая песня: «на мосту и по обе его стороны кружатся четыре хоровода – именно разноцветных, как они называются в одной песне». И здесь же нарисована великолепная картина семейского хоровода, а точнее, наверное, надо бы сказать «карагода»:

Перед вами то и дело мелькает, быстро сменяясь одно другим, десяток-другой свежих смеющихся лиц, которые кажутся еще лучше, еще красивее от оживляющего их удовольствия; быстро кружатся у вас в глазах красные, синие, голубые, зеленые ленты, сарафаны, халаты, повязки, монисты: и все это самого яркого цвета, пестрит и движется под звуки какой-нибудь веселой живой песни, лихо подхватываемой десятками–двумя звонких, свежих девичьих голосов во всю силу молодой и здоровой груди (Болонев, Выхристюк, 2002: 20).

Большую ценность представляют сведения Н.П. Ушарова о песенном репертуаре, приведенные названия песен и отрывки из них, раскрывающие жанровое многообразие семейской песни.

Внимание исследователей культуры и быта семейских, естественно, привлекала прежде всего песня с ее сложным многоголосным распевом. В 1901 г. к семейским для записи песен был командирован ВСОРГО Н.П. Протасов, где, как предполагалось, «досельная народная мелодия должна была сохраниться в наименее искаженном виде, так как старообрядцы, сосланные за Байкал в начале XVIII столетия и жившие отдельной общиной, были совершенно изолированы от всяких новшеств, надвинувшихся на Россию» (Протасов, 1903: 133). Николай Петрович Протасов (1865–1913) по праву считается первым крупным собирателем и публикатором семейской песни.

Как следует из предисловия к сборнику Н.П. Протасова «Песни Забайкальских старообрядцев», еще в бытность приказчиком в г. Кяхта во время поездок по Забайкалью Н.П. Протасов записывал народные песни, а пребывание его в певчих архиерейского хора в Иркутске дало ему музыкальное образование, что позволило впоследствии профессионально записывать и слова и мелодию услышанных песен.

Песни семейских Н.П. Протасов фиксировал в естественных условиях бытования: он сам посещал вечерки, или полянки, крестьянские свадьбы, заучивал мелодии на память, а тексты записывал за кем-либо из певцов. Об этом собиратель рассказал в отчете «Как я записывал народные песни» (Протасов, 1903: 132). Он посетил, по его словам, двадцать один населенный пункт и проделал путь в 1570 верст по маршруту: Иркутск – Верхнеудинск – Тарбагатай; через Хонхолой, Куналей, Мухоршибирь, Бичуру, Акино-Ключи, Ургулкуй, Томир и Дурены – на Кяхту; через Селенгинск в Верхнеудинск» (Там же: 133). В этой поездке Н.П. Протасов с применением фонографа записал 145 мелодий: 9 духовных стихов, 8 причетий, 15 песен свадебных, 3 величальных, 1 обрядовых помочанских, 3 пасхальных, 3 троицких, 9 хороводных, 12 плясовых, 9 шуточных, 60 проголосных, 5 рекрутских, 5 арестантских, 10 солдатских (Там же: 135). Заслугой Н.П. Протасова было то, что как музыкант он фиксировал песни, ориентируясь на мелодию, не пренебрегая песнями, имеющими не очень-то совершенную словесную форму.

Небольшая часть собранных Н.П. Протасовым материалов опубликована ВСОРГО в 1926 году: 9 нотных расшифровок напевов духовных стихов, записанных в с. Бар, Окино-Ключи, Бичура; 7 текстов свадебной причети, записанных в с. Мухоршибирь, Куналей (Протасов, 1926: 15). Сам же

собиратель предполагал издать 126 мелодий с текстами, составил рукописный сборник. В Иркутске в архиве ВСОРГО хранилась

объемистая тетрадь из почтовой бумаги большого формата, в хорошем переплете, с пометкой о том, что это – записи песен из Забайкалья, собранных по поручению Восточно-Сибирского Отдела русского Географического Общества Н.П. Протасовым. На последней странице тетради рукою собирателя написано: «Всего во втором сборнике сто двадцать шесть (126) мелодий с текстами. Собиратель Н. Протасов, 1903 г. июль 13 числа» (Протасов, 1926: 5).

Попутно отметим, что рукописным сборником Н.П. Протасова пользовался А.М. Селищев при написании работы «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Селищев, 1920). В ней он опубликовал духовные стихи из сборника Н.П. Протасова: № 2, 6 (частично), 7, 8.

Судьба бумаг Н.П. Протасова трагична, большую часть своих записей собиратель уничтожил, не добившись от ВСОРГО помощи в их издании (Линьков, 1914: 82). Не сохранилась в Иркутске в архиве ВСОРГО и указанная выше тетрадь.

В цитируемой уже статье «Как я записывал песни» имеются рекомендации, как собирать фольклор, замечания о бытовании народной песни, об исчезновении из активного репертуара старинной песни. Через какие-нибудь 10–20 лет от старой песни, по словам Н.П. Протасова, «останется одно грустное воспоминание».

Основываясь на личных наблюдениях, – писал собиратель, – приходится сознавать, что и здесь старая песня быстро начинает исчезать. Молодежь уже как будто стыдится старой песни и вместо таких богатых мелодий, как «Калинушка с малинушкой // Рано в поле расцвела» или «Долина ты моя долинушка, // Ничего ты не уродила», предпочитает петь фабричную: «Продам чашки, // Продам ложки, // Куплю милому // Сапожки», – или арестантскую песню. Первую сюда привезла «чугунка», а вторую подолгу живущие на приисках мужья и братья приносят домой, ежегодно обновляя репертуар таких песен. И эта новая песня быстро ассимилируется, разливаясь широкой волной во все стороны и вытесняя старую народную мелодию (Протасов, 1903: 135).

Музыканта-самоучку, любителя народной песни Н.П. Протасова можно назвать первым фольклористом, специально собиравшим произведения народной музыкальной культуры у семейских. Он не только фиксировал тексты и мелодию, но и отмечал, где и от кого записывал произведение, а это

является неотъемлемым принципом фольклористического подхода к собиранию народно–поэтического творчества.

Летом 1905 г. фольклорно–этнографические материалы по восточному побережью Байкала собирал сотрудник ВСОРГО А.М. Станиловский (1876–1905). В 1912 г. его записи были опубликованы в специальном выпуске «Трудов ВСОРГО» (Станиловский, 1912: №7). Народная поэзия Прибайкалья в его материалах представлена различными песенными жанрами (они составляют основное содержание его «Записок»), малыми жанрами – пословицами, поговорками, загадками, кроме того, приметам, повериями, связанными с народным календарем. В числе собранных А.М. Станиловским материалов имеются фольклорные произведения, записанные от семейских с. Исток Прибайкальского района. Им оставлено бесценное описание святочной игры ««Олень» с песнями».

В беспокойное время переломного момента в истории страны, в страшные годы борьбы за власть – весной 1919 года с научной целью изучить язык и «уклад жизни» семейских в Забайкалье был командирован профессор Иркутского университета А.М. Селищев (1886–1942). На основании своих наблюдений, собранного материала он написал и опубликовал в 1920 г. книгу «Забайкальские старообрядцы. Семейские». Им были обследованы старообрядческие села: Тарбагатай, Куналей, Мухоршибирь, Н. Заган, Хонхой, Никольское, Харауз. Встречался, по его словам, со старообрядцами из Десятниково, Шаралдая, Бичуры, Гашея. Собирался попасть на Хилок и на Чикой, но не смог (Селищев 1920: 2).

Небольшая по объему книга (81 стр.) вместила в себя всестороннее описание жизни современной автору семейской деревни. В ней содержатся исторические, этнографические, археографические, лингвистические и другие сведения, в том числе и фольклористические.

По основной своей специальности А.М. Селищев был лингвистом, поэтому сведения о состоянии фольклорной культуры семейских носят характер попутных замечаний. Значительное внимание автор уделил разбору старообрядческой религиозно-назидательной книжности и примыкающим к ней духовным стихам. Им были подобраны и прокомментированы духовные стихи, в том числе и из собрания Н.П. Протасова. А.М. Селищев сопоставил содержание духовных стихов забайкальских старообрядцев с текстами поморцев, Ветки и Стародубья. Большую ценность представляют сами опубликованные тексты.

Духовные стихи уже к началу XX в. отошли от книжной и рукописной традиции и имели широкое устное хождение, стали достоянием фольклорной традиции.

Духовные стихи у забайкальских старообрядцев, как и у других их собратьев, – пишет А.М. Селищев, – распеваются не только лицами, знающими грамоту, но и неграмотными, наизусть заучившими стихи со слов других. Распеваются они старыми и молодыми, мужчинами и женщинами (Селищев 1920: 36).

Как известно, вариативность, устность – основные признаки фольклорного произведения, стих об Иосифе Прекрасном, например, А.М. Селищеву был известен в четырех забайкальских записях. «Отличия касаются передачи некоторых форм и в немногих случаях самого изложения» (Там же: 43).

В книге найдем описание праздников и свидетельства бытования различных песенных жанров. Рассказывая о Троице, масленице А.М. Селищев сообщает: на Троицу в Н. Загане «за селом собрались девушки и парни, – песни поют, венки завивают. Песни поются старинные, а иногда раздается и частушка. «Забрехали по–собачьему», – ворчали старики, услышав частушку. После обеда по селу началось катанье...» (Там же: 18–19).

Исследователь не все мог понять и принять в многогранной народной культуре, где высокое соседствует с примитивным, а иногда и грубым, к тому же в период ломки старых устоев людьми образованными народные традиции воспринимались зачастую как нечто низменное, грубое, пережиточное. В отличие от Н.П. Протасова, который был участником праздничного события, сам являлся носителем народной песни, А.М. Селищев народные увеселения, праздники наблюдал как бы со стороны, извне, не проявляя большой симпатии к «гулянкам», но его замечания и впечатления создают достоверную картину фольклорной культуры семейских в один из сложнейших моментов истории страны.

В первой четверти XX в. менялся подход исследователей к трактовке сущности народной традиционной культуры, в том числе и фольклора. Новое время ставило новые задачи перед краеведами, бытописателями, фольклористами, например, такие, как изучение вопроса о влиянии совершившихся революционных событий на культуру народных масс (Элиасов, 1958: 115). В эти годы в связи «с вопросами хозяйственно–

экономического и культурного строительства и общими принципами современного краеведения» проводила «исследовательско–собираТЕЛЬские работы» среди семейских А.М. Попова. Ею в 20-е годы XX в. обследованы села: Куйтун, Большой Куналей, Тарбагатай, Десятниково, Гашей, Мухоршибирь, Новая Брянь, Мухор-Тала (Попова, 1928: 4). Как явствует из отчета 1924 г., собирательница записала 52 песни, в том числе и обрядовые, 150 частушек, 66 загадок, 7 пословиц, 22 сказки, 65 детских игр и 6 детских песенок, 15 считалок, 3 голошения по покойникам, 7 духовных стихов: «О керженском житии», «Об увеселении человек», «Стих плачевный» и др. (Попова, 1926: 16–19). В этнографическом очерке «Поездка к «семейским» Забайкалья» дается краткая характеристика материала, собранного в 1924 г. Среди песен, записанных во время посиделок, А.М. Поповой выделяются песни «Тюремные», которые занимают немалое место в репертуаре семейских и в настоящее время, объяснение чему трудно найти. Основу же репертуара составляли песни любовные, святочные, троичные. Но все большее место в песенном репертуаре семейских, по словам собирательницы, занимает новый жанр – частушка. Несколько характерных частушек она приводит в отчете за 1924 г. (Попова, 1925: 18). Собранные фольклорные материалы не введены в научный оборот, где они находятся – неизвестно, да и сохранились ли? Известны лишь немногие произведения фольклора, которые А.М. Попова поместила в своих статьях, ставших теперь библиографической редкостью.

Особое внимание исследовательница уделила детскому фольклору. Ей удалось записать 65 игр, 6 детских песенок, 15 считалок. Представление о «счете к детским играм» дают две помещенные в отчете считалки: «Шатыр, батыр, губирнатыр, шапка плисывая, вся исписанная», «У Ермошки деньги есь, да не знаю как падлесь, украду и Ермошки не скажу» (Там же: 18).

В «Кратком отчете» о работе среди семейских в 1925 г. А.М. Попова дает описание собранных материалов, в том числе и фольклорных. Ею записано до 100 старинных песен и частушек, 9 сказок, 6 присказок, 5 духовных стихов, 7 похоронных плачей, 60 произведений детского фольклора (считалки, дразнилки, детские песни), 65 загадок, 95 примет, пословиц, поговорок, не менее 120 рецептов народной медицины и ветеринарии («и к ним наговоры и заговоры»), свадебный обряд с песнями, 5 песен. Записаны были в живом бытовании на троицкой неделе обряды «кумления», «пускания стрелы», а также значительное количество троицких песен. Записаны народные предания: «Старики охотно беседовавшие со мною, – пишет исследовательница, – дали много материала о переселении семейских в Забайкалье, о прежнем их местожительстве, о взаимоотношениях с бурятами и

т.д.» (Попова, 1925: 22–23). А.М. Попова опубликовала предание о первой встрече бурят с русскими, об основании с. Куйтун и его первых поселенцах.

Одним из лучших в этнографической литературе о семейских, по словам современного исследователя старообрядчества Ф.Ф. Болонева, является очерк А.М. Поповой «Семейские (забайкальские старообрядцы)». Большой интерес в очерке представляют описания семейных традиций, в том числе в общих чертах свадьбы. К сожалению, в отношении фольклора автор ограничивается отдельными замечаниями о вечеринках в период подготовки к свадьбе, на них, по ее словам, поют песни, пляшут. Описан в очерке обряд «кумления» на Троицу в с. Тарбагатай. «Обряд «кумления» состоит в том, что березку одевают лентами, бусами, шелковыми платками, ходят вокруг нее и поют песни, подобающие этому случаю... К вечеру березку разнарядят и топят в реке. Приехав домой, молодежь идет на гулянку куда-нибудь за село, где поют разные проголосные, старинные песни и частушки, некоторые же, не «кумьясь» одеваются в лучшие наряды и шелк, в атлас (если своего нет, то займут у кого-нибудь) и ходят с песнями по улице» (Попова, 1928: 130). Отмечено в очерке, что без песен не обходится ни один праздник, ни одно гуляние. Детские игры также сопровождалась пением и разными приговорами. «Кроме всевозможных игр у детей, есть еще развлечение – сказки и предания о старине, которые мастерицы рассказывать их бабушки да и деды» (Там же:131).

Для понимания фольклорной ситуации 1924–25 гг. в старообрядческой деревне Забайкалья важны замечания А.М. Поповой в отчете за 1924 г.: «Записи песен дают мне возможность предполагать, что мнение Талько-Грынцевича о том, что «песен у «семейских» не осталось» является несколько преждевременным» (Попова, 1926: 17). В отчете за 1925 г. ею прогнозируется неутешительное будущее традиционной культуры: «Семейские, несмотря на всю обособленность, значительно поддались новым веяниям. Пройдет немного времени и тот материал, который в настоящее время не только легко записывать, но и наблюдать, исчезнет бесследно для изучения» (Попова, 1925: 23). Слова эти созвучны грустным предсказаниям Н.П. Протасова по поводу старинной песни. О том, что семейские поддались новым веяниям, свидетельствуют фольклорные материалы, в которых наряду со старыми, традиционными фольклорными жанрами находится и новый жанр – частушка.

Итак, фольклористические исследования культуры семейских второй половины XIX – первых десятилетий XX века носили попутный характер, как часть этнографических изучений или краеведения и ограничивались главным образом констатацией фактов бытования устно-поэтического творчества.

Счастливым исключением была собирательская деятельность Н.П. Протасова, которого по праву можно назвать первым фольклористом, целенаправленно обратившимся к изучению народного творчества старообрядцев Забайкалья. Главным итогом изучения фольклора семейских в указанный период было введение в научный оборот материалов, без учета которых, фольклорная культура этой уникальной группы русских – семейских могла быть представлена с позиций личных пристрастий и вкусов исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азадовский М.К. История русской фольклористики. – М., 1963. – Т. II.

Болонев Ф.Ф., Выхристюк О.И. Певцы и песни Большого Куналяя. – Новосибирск, 2002.

Гуревич А.В. Фольклор старообрядцев Забайкалья // Гуревич А.В., Элиасов Л.Е. Старый фольклор Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1939.

Линьков А.И. Судьба бумаг Н.П. Протасова // Сибирский Архив. – Иркутск, 1914. – № 2.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. – СПб, 1871. – Ч. 1: «Несчастные».

Краткий отчет этнографа А.М. Поповой о работе среди семейских в 1925 г. // Бурятияведение. – Верхнеудинск, 1926. – № 2.

Попова А.М. Поездка к «семейским» Забайкалья (этнографический очерк) // Бурятияведение. – Верхнеудинск, 1926. – № 2.

———. Семейские. Забайкальские старообрядцы. – Верхнеудинск, 1928.

Протасов Н.П. «Как я записывал народные песни» // Известия ВСОРГО. – 1903. – Т. XXXIV, № 2,

Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев. – Иркутск, 1926.

Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Изв. Сиб. отд. РГО. – 1873. Т. 4. – № 2.

———. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. Сиб. отд. РГО. – 1872. Т. 3. – № 3; 1873. Т. 4. – № 4.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. – Иркутск, 1920.

Станиловский А.М. Записки // Труды ВСОРГО. – Иркутск, 1912. – № 7.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские старообрядцы в Забайкалье. // Протоколы общего собрания Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отд. РГО. – 1894. – № 2.

Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. – Улан-Удэ, 1969.

———. Русский фольклор Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1958. – Ч. 1.